

И.В. Пешков

© Пешков И.В., 2022

**БАХТИНСКИЙ ВОПРОС. СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ:
КРУГ БАХТИНА: ОСТРЫЕ УГЛЫ. ЧАСТЬ 1
(ПИТЕР – НЕВЕЛЬ – ВИТЕБСК)¹**

Аннотация. В статье рассматриваются ранние этапы истории бахтинского круга: петроградский (1915–1918), невелицкий (1918–1920) и витебский (1920–1924). Много внимания уделено спорному вопросу о раннем знакомстве Бахтина с Залесским. Вводится понятие ядра круга: Пумпянский – Бахтин – Волошинов. Это ядро существовало и на ранних, и на поздних этапах с середины 10-х до конца 20-х годов XX в. Волошинов является связующим звеном между этими ранними этапами бахтинского круга и основным (и завершающим) Ленинградским этапом (1924–1930), в котором существенную (организаторскую) роль играл Медведев, появившийся в бахтинском круге лишь в середине Витебского периода (1921–1922).

Ключевые слова: М.М. Бахтин; В.Н. Волошинов; П.Н. Медведев; Б.В. Залесский; авторская маска.

Получено: 10.07.2022

Принято к печати: 03.08.2022

Информация об авторе: *Пешков* Игорь Валентинович, доктор филологических наук. Независимый исследователь. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9881-3429>

¹ Продолжение. Предыдущие публикации цикла: Бахтинский вопрос: промежуточные итоги // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 182–210; Бахтинский вопрос. Статья вторая: Павел Николаевич Медведев // Литературоведческий журнал. 2022. № 2(56). С. 89–111; Бахтинский вопрос. Статья третья: Валентин Николаевич Волошинов // Литературоведческий журнал. 2022. № 3(57). С. 86–109.

E-mail: ivpeshkov@gmail.com

Для цитирования: Пешков И.В. Бахтинский вопрос. Статья четвертая: Круг Бахтина: острые углы. Часть 1 (Питер – Невель – Витебск) // Литературоведческий журнал. 2022. № 4(58). С. 133–156.

DOI: 10.31249/litzhur/2022.58.07

Igor' V. Peshkov

© Peshkov I.V., 2022

**BAKHTIN QUESTION. THE FOURTH ARTICLE:
BAKHTIN CIRCLE: ACUTE ANGLES. PART 1
(PETROGRAD – NEVEL' – VITEBSK)**

Abstract. The article deals with the early stages of the Bakhtin circle's history: Petrograd (1915–1918), Nevel' (1918–1920) and Vitebsk (1920–1924). Much attention is paid to the controversial issue of Bakhtin's early acquaintance with Zalessky. The concept of the core of the circle is introduced: Pumpyansky – Bakhtin – Voloshinov. This core existed both in the early and late stages from the mid-10 s to the end of the twenties of the last century. Voloshinov is a principal link between these early stages of the Bakhtin circle and the main (and final) Leningrad stage. Pavel Medvedev, who played a significant (organizing) role in Leningrad (1924–1930), appeared in the circle only in the middle of the Vitebsk period (1921–1922).

Keywords: M.M. Bakhtin; V.N. Voloshinov; P.N. Medvedev; B.V. Zalessky; author's mask.

Received: 10.07.2022

Accepted: 03.08.2022

Information about the author: Igor' V. Peshkov, DSc in Philology, Independent Researcher, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9881-3429>

E-mail: ivpeshkov@gmail.com

For citation: Peshkov, I.V. "Bakhtin question. The Fourth Article: Bakhtin Circle: Acute Angles. Part 1 (Petrograd – Nevel' – Vitebsk)", *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(58), 2022, pp. 133–156. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2022.58.07

Итак, как показано в нашей первой статье², бахтинский вопрос формально решен. Все авторские права окончательно возвра-

² См.: Бахтинский вопрос: промежуточные итоги // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 182–210.

щаются к М.М. Бахтину как несомненному создателю «спорных» текстов. П.Н. Медведев, В.Н. Волошинов, И.И. Канаев – титульные маски [3–8] первых публикаций его книг «Фрейдизм», «Формальный метод в литературоведении», «Марксизм и философия языка» [16; 36; 21] и ряда статей 1925–1930 гг. [13–15; 17–20; 22; 25; 33–35] – первого (ударного) пятилетия публикаций бахтинских трудов.

Теперь нужно, наконец, заняться подлинной историей вопроса³. Не историей дискуссии о том, кто же написал «спорные тексты» [11; 43–45] (это уже не совсем актуально, поскольку спорить больше не о чем), а историей формирования самого феномена Бахтина под маской, феномена в своем роде исключительного: три реальных человека представляли на книжно-журнальном рынке в Ленинграде конца 20-х годов одного автора – М.М. Бахтина. Каковы причины возникновения этого уникального явления? Оно сложилось сознательно или стихийно? Если сознательно, то кто инициатор этого, говоря современным языком, проекта? Если ответственные бурные послереволюционные стихии России, то что это за стихии: голод, война, террор, социальное помешательство?

Конечно, до конца ответить на эти вопросы в одной статье (пусть и в двух частях, и в трех номерах журнала) вряд ли удастся, но принципиальные ответы мы все-таки дать попробуем. Для этого нужно погрузиться в биографию Бахтина раннего периода, больше даже не самого раннего, о загадках которого писал Н.А. Паньков и другие (учеба в гимназиях и Новороссийском университете [30; 46]), а периода Петрограда – Невеля – Витебска – Ленинграда, где и когда сформировался признанный уже в науке круг Бахтина. Правда, обычно на первый элемент этого подвижного хронотопа внимания обращают немного и формирование круга относят ко времени Невеля [28, с. 53], т.е. не раньше 1918 г. Однако такой традиционный подход требует некоторых оговорок.

³ Вяч. Вс. Иванов еще в 1995 г. призывал: «Представляется необходимым от пустопорожных досугов разговоров об авторстве Бахтина, которое несомненно, перейти к серьезному анализу текстов, где следовало бы применить бахтинский принцип изучения полифонии» [23, с. 137]. За эти четверть века призыв этот в его положительной части нашел отклик [49; 57], однако полемика об авторстве не прекращалась. Уверенность Вяч. Вс. Иванова требовала математических, объективных подтверждений, которые были получены [50; 51].

Если не саму историю круга, то его предысторию стоит начать с города Петра. Речь идет не о том, что в Петербурге на юридическом факультете университета до 1914 г. учился П.Н. Медведев (что для круга этого периода, скорее всего, неважно), а с 1913-го – В.Н. Волошинов, хотя это и имеет уже некоторое значение. Речь идет в первую очередь о Л.В. Пумпянском, дружба с которым М.М. Бахтину досталась «в наследство» от его старшего брата, эмигрировавшего вскоре после революции [53, с. 226]. «Омфалос», кружок, душой которого был Николай Бахтин, – вот исток всего дальнейшего [31; 56]. Осколок этого кружка, дружба Льва Пумпянского и Михаила Бахтина – ядерная часть зерна будущего Невельского круга.

Однако зерно нуждается не только в ядре-зародыше (Бахтин – Пумпянский), но и в эндосперме и оболочке; все это тоже появилось в Петрограде, и даже, видимо, еще в Петербурге. Речь идет о знакомстве Бахтина с В.Н. Волошиновым, которое нередко откладывают до Невеля [28, с. 53]. Кроме того, благодаря исследованиям Панькова [47, с. 422–424] появилась гипотеза, что у круга доневельского периода, возможно, была еще одна твердая единица – их старший товарищ Борис Владимирович Залесский (1887–1966), остававшийся до самой своей смерти надежнейшим другом Бахтина. Кстати, в беседах с Дувакиным, вспоминая тот период, Бахтин именно в связи с Залесским, к которому, по Панькову, относится определение Бахтина «мой друг» [47, с. 422–424; 9, с. 119], впервые употребил словосочетание «наш круг» [9, с. 117]. Паньков резюмирует: «получается, что Залесский входил в “круг Бахтина” уже за несколько лет до знакомства Бахтина с Каганом, Медведевым, Соллертинским, которое состоялось в Невеле и Витебске в 1918–1920 гг. (только Пумпянский подружился с Бахтиным раньше Залесского, а Волошинов, по-видимому, одновременно с Залесским)» [47, с. 424].

Правда, факт раннего знакомства Бахтина с Залесским недавно оспорила И.В. Ключева. В одной статье она высказывает сомнение: «Рассказывая Дувакину о событиях 1917 года, Бахтин говорит, что его друг жил в это время в Лесном (районе Петрограда, где находился Технологический институт). Однако в дневнике Юшковой записано, что они с мужем получили жилплощадь в Лесном в 1920 году и переехали туда от Варвары Михайловны,

т.е. от матери Залесского» (ее имя, записанное в сокращенном виде – «В. Мих.» – Паньков расшифровать не смог [47, с. 468]). Таким образом, говорить с уверенностью, что Бахтин познакомился с Залесским до своего отъезда из Петрограда (до 1918 г.), по нашему мнению, нельзя – по крайней мере, до выявления непосредственных документальных подтверждений этого факта [26, с. 319].

В другой своей статье И.В. Ключева уже прямо фиксирует: «Однако мы уверены, что, говоря о “последней любви Керенского”, М.М. Бахтин имел в виду не первую, а вторую жену Б.В. Залесского – пианистку Марию Константиновну Юшкову (1883–1953), причем он отнюдь не “перепутал” титул: в период, о котором идет речь, она действительно была “бывшей баронессой”. Бахтин ошибся в другом – он неверно назвал адрес своего друга в 1917 г.: в Лесное Залесский переехал из центра Петрограда лишь в конце 1920 г. Бахтин не знал об этом потому, что познакомился с ним не до своего отъезда в Невель (1918), как утверждает Н.А. Паньков, а после возвращения в Петроград из Витебска, когда Залесский уже жил в Лесном» [27, с. 97].

С моей точки зрения, проблема не в том, что Бахтин вроде бы ошибся, указывая место жительства друзей. Во-первых, факт переезда в Лесное в 1920 г. автоматически не означает, что Залесские не могли жить там раньше. 1918–1919 – такие годы, что, вероятно, представители всех поколений этой семьи предпочитали держаться вместе, да и отапливать одну квартиру проще, чем две. Во-вторых, даже если Бахтин назвал последнее место жительства своих друзей вместо предыдущего, как раньше говорил «Ленинград» (последнее для Бахтина название города) вместо «Петроград», то это не отменяет того, что он мог присутствовать на вечерних встречах Залесских с Керенским (не в Лесном, допустим, а в центре Петрограда).

Но присутствовал ли? Безотносительно к тому, ошибся Бахтин с адресом или нет, проблема заключается в трактовке всего отрывка из «Бесед...», которая может быть двоякой. Первая трактовка: Бахтин просто пересказывает воспоминания Залесского. Тогда, конечно, вся эта история никак не свидетельствует, что в 1917 г. Бахтин уже был знаком с Борисом Владимировичем. Вторая трактовка: Бахтин сам слышал диалог Керенского с Залесским, а значит, с ним к тому времени был хорошо знаком, и не так

важно, в первую жену Залесского влюбился Керенский или во вторую (хотя слова Бахтина «и потом, я был в очень дружественных отношениях с женой его – это бывшая баронесса» скорее поддерживают концепцию Ключевой о последней российской любви Керенского). Вот текст из бесед с Дувакиным, который подлежит герменевтическому анализу:

Д. Керенского слушали, нет?

Б. Керенского я раза два слышал. Я сразу понял, что это жалкий человек, слишком высоко залезший и совершенно неспособный... Между прочим, у меня была очень близкая мне семья: он был – муж – мой друг, и потом, я был в очень дружественных отношениях с женой его – это бывшая баронесса; и вот это была последняя любовь Керенского. Он каждый день приезжал к ней, проводил время, вечера, у нее, – последняя была любовь здесь. Потом-то, может, у него еще была любовь.

Вот мой друг, он придерживался моих взглядов, он говорил: «Что Вы! Неужели Вы не видите – они не сегодня-завтра вас сбросят». Он говорил: «Простите, я все знаю, мы следим за большевиками, не беспокойтесь, они совершенно ничего не могут сделать».

Это был последний раз, ну, за несколько дней до переворота и до бегства Керенского, буквально за три-четыре дня. Нужно сказать, у Керенского тогда... в самых широких массах... были любовь и... Он был очень авторитетен.

Д. Нет, популярность была.

Б. Популярность была. Но такая поверхностная. Мне еще рассказывал вот этот мой друг, когда в первый раз к ним приехал на квартиру (он жил тогда в Политехническом институте, в Лесном, в Петрограде) Керенский, то швейцар вытирал слезы: «Керенский был, Керенский был, Керенский был». И аж плакал даже от умиления.

Д. Ну, а Вы все-таки как словесник не умилились его, так сказать, блестящим ораторским дарованием?

Б. Нет, у него блестящего ораторского дарования никогда и не было. Это выдуманно все, чепуха. Я слышал его раза два. Это довольно пошлый, примитивный, – такой, я бы сказал, демагогического типа, конечно [9, с. 119].

Вроде бы чаша весов безоговорочно склоняется к первой гипотезе («Мне еще рассказывал вот этот мой друг» – это «еще» показательно!), т.е. вся эта история стала известна Бахтину позже, вероятно, уже в Ленинграде. Но чуть более широкий контекст может это направление движения чаш остановить. Когда вопрос коснулся периода незадолго до, в терминах времени записи бесед, Октябрьской революции, Бахтин вдруг просит «записывать-то этого не нужно» [9, с. 117]. А значит, факт своего личного знакомства с Керенским, если он имел место, Бахтин по меньшей мере не хотел выпячивать. Кроме того, в связи с высказанным к Керенскому отношением Бахтин явно не находил, что личное знакомство с ним может составить предмет гордости или что-то близкое к этому. Однако выражение «я сразу понял, что это жалкий человек» скорее предполагает встречу в какой-то интимной обстановке: «сразу» определить человека как жалкого в обстановке митинга и воодушевления аудитории даже Бахтину было бы вряд ли объективно возможно. Скорее всего, для такой оценки нужны две встречи: на митинге и в домашней обстановке. И главное: сам центральный диалог друга Бахтина и Керенского построен не как рассказ друга, а как собственное воспоминание Бахтина. Чаша весов снова оказывается в неустойчивом равновесии или даже склоняется ко второй гипотезе, поддерживая исходное предположение Н.А. Панькова о раннем знакомстве Бахтина с Залесским. Кроме того, даже если о встрече с Керенским Бахтину рассказал Залесский, это могло произойти еще в Петрограде в ноябре-декабре 1917 или в первой половине 1918 г.

Итак, уже до Невеля четыре (или как минимум три) представителя будущего круга Бахтина – Залесский (допустим, под большим вопросом), Волошинов, Пумпянский и сам Михаил Бахтин – были знакомы между собой. Бахтин во всяком случае близко знал каждого. Нет уверенности, что остальные были знакомы между собой так же близко, как с Бахтиным, но знакомы почти наверняка были. Остановимся чуть подробнее на этой предыстории круга.

Считается, что раньше всех Бахтин познакомился с Пумпянским, потому что некоторое время они вместе учились в Первой Виленской гимназии имени Александра I. Но сам по себе этот факт мало о чем говорит: для гимназистов четырехлетняя разница в возрасте обычно непреодолимая преграда, по крайней мере, для

близкого общения, если не для общения вообще. К тому же учеба под одной крышей длилась недолго: в 1910 г. Пумпянский гимназию окончил [42, с. 8], а Михаил Бахтин еще оставался в этой гимназии в 1910–1911 учебном году [30, с. 68]. Правда, Пумпянский лишь в 1912 г. поступил на романо-германское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета [42, с. 10], так что кружок гимназистов в Вильно, куда входили Пумпянский и братья Бахтины, наряду с некоторыми другими в 1911 г. еще мог существовать. Но тесное общение началось, скорее всего, уже в Петербурге, куда Михаил, вероятно, направился сначала вслед за братом (который перевелся в столичный университет из Новороссийского в 1913 г. [28, с. 41]), а затем окончательно перебрался из Одессы вместе с родителями и сестрами, но когда это произошло, точно не известно: «примерно в 1915 году семья Бахтиных переезжает в Петроград» [43, с. 91]). Неформальным центром общения для Михаила был все тот же дружеский кружок, дополненный представителями столицы и получивший название «Омфалос» в 1912 г. [9, с. 50]. Тон в кружке задавал Николай Бахтин [9, с. 50, 54], который и был, вероятно, связующим звеном между его братом Михаилом и Пумпянским. Однако такие связующие звенья бывают в известной мере и разделяющими: Михаил оставался принципиально младшим братом, хотя разница в возрасте между ним и Николаем составляла немногим более полутора лет.

Можно предположить, что сближение М. Бахтина с В. Волошиновым произошло в 1916 г. (после ухода в армию Пумпянского, Николая Бахтина [42, с. 11] и ближайшего друга Волошинова Бориса Зубакина), хотя, вероятно, знакомы они были и раньше [48, с. 90]). Главной точкой соприкосновения могла оказаться любовь к поэзии, особенно современной русской, которую оба хорошо знали, а Волошинов и сам писал стихи. Не случайно с помощью отца Волошинова Бахтин познакомился со своим любимым русским поэтом Вячеславом Ивановым. Таким образом, дружба с Волошиновым, с которым к тому же они были практически ровесниками, к моменту отъезда семьи Бахтиных в Невель длилась для Михаила уже как минимум два-три года.

С Борисом Владимировичем Залесским⁴ Бахтин тоже мог познакомиться через Волошиновых. Отец Бориса Владимир Николаевич был юристом и занимал серьезный государственный пост. Юристом был и отец Валентина Николаевича. Если знакомство Бахтина с Залесским состоялось еще в доневельский период, то дружба с семейным человеком на восемь лет старше его, вероятно, давала Бахтину ощущение устойчивости, взрослости. Таким образом, круг, хотя его еще нельзя назвать собственно бахтинским, сформировался в Петрограде, дружеская общественная жизнь могла бы наладиться уже там.

Однако на нормальное развитие дружеских связей обрушились стихии истории, сначала Первая мировая война, а затем социальные катаклизмы в России. Петроград оказался главной ареной революционных событий, и жить здесь стало нелегко. Бахтин вспоминал: «Я в 18-м году уехал из Петербурга. Это было так: один из моих друзей ближайших, друзей еще, собственно, юности, был Лев Васильевич Пумпянский, о котором я Вам говорил. Он был на военной службе, отбывал военную службу в маленьком городке Невеле. Да... Очаровательная природа... Там вообще было прелестное место. И вот он там отбывал воинскую повинность, там он всех знал, его все знали. Он приезжал, приехал как раз в Петроград, где был голод, есть было почти ничего. И вот он меня уговорил поехать туда в Невель к нему: там можно и заработать, и там питания сколько угодно и так далее. Так я и сделал. Это было в 18-м году» [9, с. 134].

По приглашению Б.М. Зубакина в следующем, 1919 г. приехал в Невель и Волошинов хотя в Петрограде он уже занимал разные административные должности, там это не спасало от голода. Залесский в Невель не поехал, у него всегда была серьезная, значимая для любого государственного строя работа, в частности, вскоре после революции он входил в Комиссию естественных производительных сил [47, с. 422].

В Невеле работа появилась и у Бахтина, собственно, он приехал в учебное заведение (гимназию), где директором был его

⁴ Старым другом Бахтина считает Залесского и Алпатов, который пишет о 1922–1924 гг.: «К тому времени в Ленинград перебрался весь “круг Бахтина”, к которому добавились новые участники: востоковед-индолог М.И. Тубянский, биолог И.И. Канаев, старый друг Бахтина петрограф Б.В. Залесский» [1, с. 178].

знакомый по Виленской гимназии, преподаватель математики и старший друг Павел Адамович Янкович [9, с. 135], так что еще не факт, что основным мотивом переезда был зов Пумпянского, особенно если учесть, что должность учителя получила также сестра Бахтина Мария Михайловна, а с ними переехали и их родители: мать Варвара Захаровна и отец Михаил Николаевич, он был принят здесь в городской Совет [28, с. 52]. Надо полагать, что в Невеле все они продолжали жить одной семьей.

Небольшой уездный город Невель сразу после революции отнюдь не был медвежьим углом, там бурлила общественная жизнь, в которой участвовали и Пумпянский, и Бахтин, и Волошинов [44, с. 91–92], и Матвей Исаевич Каган, сразу вошедший наряду с Пумпянским в ядро этой клетки дружбы. Каган (он тоже преподавал в той единой трудовой школе им. В.И. Ульянова-Ленина, в которую вскоре превратилась переехавшая сюда из-за войны Новосвенцяцкая гимназия) задал высокую планку собеседований молодежи. Сам он только что вернулся из Германии, где учился философии, в частности у самого Германа Когена [24, с. 60; 9, с. 41], главы марбургской школы неокантианства. Оказалось, что самостоятельно прочитавший по-немецки основные труды И. Канта М. Бахтин [9, с. 36] по уровню философской эрудиции едва ли уступает своему старшему (на шесть лет) товарищу. Образовался семинар по Канту, где Бахтин и Каган играли роль преподавателей, а Пумпянский, от которого сохранились конспекты лекций Бахтина, правда более позднего периода [32] (но вполне вероятно, что он делал такие конспекты и в Невеле), и особенно Волошинов, а иногда его гимназический товарищ Борис Зубакин – выглядели старательными учениками. В этой же роли стабилизировала и облагораживала общение в семинаре М.В. Юдина, местная жительница и будущая великая пианистка.

Впрочем, философские сессии этого небольшого круга длились недолго. Ближе к концу 1918 г. уехали Юдина – доучиваться в консерваторию Петрограда [24, с. 61; 9, с. 238], Пумпянский (не позднее ноября) 1918 г. (в начале 1919-го, видимо, вернулся, но совсем на короткий срок), Волошинов только приехал в 1919-м. Каган уехал в 1920-м сначала в Петроград, а потом в Орел [24, с. 61]. Кроме него дольше всех с Бахтиным в Невеле оставался Волошинов, вот тут-то, возможно, они еще больше сблизились.

В середине 1920 г. («летом 1920» [28, с. 61], «осенью 1920 года», [44, с. 93]) Бахтин перебрался в Витебск. Летом в этот город приехала Юдина, обнаружился витеблянин И.И. Соллертинский. «Круг» восстанавливался медленно, но в городе был круг и пошире: 1920 г. – разгар так называемого Витебского культурного ренессанса, Бахтин здесь дружил с Малевичем [55], встречался с Шагалом [9, с. 135], преподавал в разных учебных заведениях, читал общедоступные лекции, и все это несмотря на болезнь, которая порой надолго приковывала его к постели [28, с. 63–76; 44, с. 93].

Мало того, что в Витебске круг восстанавливался медленно, его восстановление было зыбким: одни появлялись ненадолго, другие вскоре надолго уезжали, и в конце 1921 – начале 1922 г. от всего круга остался треугольник Бахтин – Волошинов – Медведев. Причем по отношению к последнему «остался», пожалуй, неправильная формулировка: Медведев не совсем понятно каким образом вошел в бахтинский круг. Ключевой гипотезой его появления представляется посредничество Волошинова. Но где познакомился Валентин Волошинов с Павлом Медведевым, неизвестно. Есть предположение, что они были знакомы еще по юридическому факультету столичного университета, во второй половине 1913 г. они могли там встретиться [12, с. 8]. Правда, с еще большей вероятностью могли бы и не встретиться, или встретиться, но не заметить друг друга: Медведев уже кончал курс, а Волошинов только начинал. Еще одна возможность встречи – на лекциях Медведева в Невеле, если считать информацию об этих лекциях достоверной. Биограф отца Юрий Павлович Медведев при описании событий 1918 г. зафиксировал: «...приезжает с лекциями в Невель» [38, с. 12] со ссылкой на [54, с. 207]. На указанной странице книги читаем: «Знакомство Медведева с невельскими интеллектуалами восходило, если не к Петроградскому университету, их общей alma mater, то к первому послереволюционному году: известно, что в июле 1918 года он приезжал в уездный городок с лекциями». То, что «известно», поддерживается в свою очередь ссылкой на статью в местной газете «Молот» от 2 августа 1918 г. «Несостоявшаяся лекция» [40, с. 3]! Возможно, конечно, что если не одна, так другие лекции Медведева в Невеле и состоялись, но в любом случае Медведев с Волошиновым в Невеле встретиться не мог, так как последний приехал сюда только в 1919 г. (Бахтин же только

приехал, вряд ли он сразу бросился на несостоявшуюся лекцию неизвестного лектора.)

Наконец в Витебске Волошинов стал заместителем заведующего подотделом искусств [12, с. 6], т.е. скорее всего заместителем Медведева, который в Витебске последовательно занимал должности заведующего отделом внешкольного образования и заведующего подотделом искусств [55, с. 206; 37, т. 1, с. 10], и тогда уж точно с ним познакомился. Хотя есть логика и в предположении, что Медведев взял Волошинова своим заместителем как раз потому, что они уже были знакомы. Но даже в этом случае знакомство скорее всего было недавним: если бы Медведев был старым другом Волошинова, то приглашение последнего в Витебск могло бы последовать раньше.

Конечно, нельзя совсем исключить гипотезу, что Медведев с Бахтиным сошлись независимо от Волошинова, но вариант их шапочного знакомства, во-первых, не очень вероятен в связи с особенностями характеров обоих, а во-вторых, такое знакомство едва ли повело бы к сближению: Бахтин им просто не заинтересовался бы, а сам Медведев при всей своей страсти к великим людям вряд ли сразу же заподозрил бы в Бахтине такового, пусть и в перспективе. И именно Волошинов мог Медведеву все объяснить про перспективы гения Бахтина, а Бахтина убедить в полезности Медведева. (То, что Валентин Николаевич был для Михаила Михайловича посредником во многих жизненных ситуациях, а не только в случае знакомства Бахтина с Вяч. Ивановым, хорошо иллюстрируется знаменитой фотографией круга Бахтина: Волошинов одной рукой обнимает Елену Бахтину, а другую руку положил на плечо самого Бахтина, при этом сам загадочно улыбается [38, т. 1, с. 248, вклейка].)

Итак, Волошинов ввел (если мы соглашаемся, что это он ввел, хотя такое соглашение все еще остается гипотезой) Медведева в круг Бахтина не позднее марта 1921 г., так как фамилия последнего фигурирует в письме Бахтина, написанном в это время Кагану [28, с. 65–66].

В целом бахтинский круг и в Витебске просуществовал совсем недолго и был еще более узким, чем в Невеле: Волошинов, Соллертинский и наездами Юдина и Пумпянский. Вот что вспоминает Р.М. Миркина об этом времени: «Встречали мы у Бахти-

ных и философа из Москвы Матвея Исаевича Кагана, литературоведа и философа Льва Васильевича Пумпянского, высокого, худощавого, черноволосого, в длинной военной шинели. Бывал там и картинный Павел Николаевич Медведев. Если первые двое отличались глубочайшей эрудицией, самобытностью и большим талантом, то последний был малоинтересен, но у непритязательной публики пользовался определенным успехом. Наш кружок в полном составе просуществовал один год. Участники его разъехались кто куда, и нас оставалось только трое, но занятия не пострадали. Михаил Михайлович продолжал вести их в прежней манере» [39, с. 93].

Конечно, это воспоминание не совсем о круге. Сама Миркина, например, в бахтинский круг не входила, она входила в организованный «кружок (человек 10–12⁵) по изучению русской литературы» [39, с. 93]. Попробуем осуществить привязку этого года занятий кружка к календарному времени. Начальная и последняя даты всего курса занятий, законспектированных Миркиной, ею указаны: 1922–1927 [2, с. 570]. Издатели записок во втором томе собрания сочинений Бахтина замечают: «Естественно предположить, что это – учебные годы, и, если это так, кружок витебских школьников просуществовал 1922–23 учебный год; потом еще один учебный год Бахтин читал свои лекции трем выпускникам» [2, с. 570–571]. Предположению об учебных годах противоречит ближайший контекст предисловия Миркиной к конспектам бахтинских лекций: упоминаются Пумпянский, Каган и Медведев. Первый и второй давно не проживали в Витебске и могли приехать, конечно, в любое время, но Медведев с семьей только уехал в начале лета 1922 г. и крайне маловероятно, а с учетом его загруженности в Питере, скорее всего, и непредставимо, чтобы он приезжал в Витебск позднее. Значит, занятия к учебному году не были привязаны и начались в первой половине 1922 г.

Как ни рассматривай не до конца восстанавливаемую хронологию событий, но утверждение Ю.П. Медведева, что «в 1920 г. в Витебске из друзей Бахтина остались только Волошинов и Медведев» [37, т. 1, с. 26], конечно, ошибочно. Во-первых, сам Бахтин приехал в Витебск лишь в середине 1920 г., Пумпянский уехал в

⁵ В журнальной публикации «10–20», явная опечатка.

Петроград в этом же году, а Волошинов перебрался в Витебск вероятнее всего в начале 1921 г. [12, с. 6], а во-вторых, хотя Медведев в 1920 г. в городе, конечно, находился, нет никаких сведений, что он был знаком с Бахтиным. А уже ближе к лету 1922-го Волошинов с женой уехали в Питер, тем же летом и тем же путем уехали и Медведевы. Таким образом, формально треугольник будущих «сопубликаторов» просуществовал в Витебске чуть больше года. Причем в 1921 г. Бахтин серьезно болел, на этот же период приходится его бракосочетание с Еленой Околович и их отъезд в деревню на все лето [28, с. 70–71]. Чтобы треугольнику стать кругом оставались осень – зима 1921-го и зима – весна 1922 гг. Времени в принципе достаточно, но в эстетико-методологических беседах Медведев вряд ли готов был занять место ученика, а на большее едва ли мог претендовать, если судить по уровню написанного им к тому моменту: несмотря на все попытки его сына отыскать в опубликованном какие-то проблески научной оригинальности и намеки на связь с «Формальным методом в литературоведении», ничего, кроме общих мест эпохи там найти не удастся [38, с. 17–19]. Кроме того, львиную долю времени Медведев тратил на административные дела и еще успевал преподавать в Педагогическом институте и читать различные популярные лекции [54, с. 205–206]. Попытка совместить административную и преподавательскую линию жизни (открыть институт в Витебске по типу Зубовского) уже к тому времени закончилась неудачей. Перспективнее было переехать в Петроград, где НЭП предоставлял Медведеву больше возможностей при его деловой хватке.

Однако без предварительной подготовки в бывшую столицу ехать не имело практического смысла. Поэтому все время, свободное от работы, у Медведева занимала подготовка к переезду, повышать свой теоретический уровень, слушая лекции Бахтина или беседуя с ним, было, скорее всего, некогда.

Как бы то ни было, к лету 1922 г. Медведев действительно хорошо подготовился к переезду, и быстро занял в Петрограде ряд административных и редакторских должностей [37, т. 1, с. 31, 49–53]: все нужные связи у него уже, вероятно, имелись. Волошинов же в 1922 г. поступил в Петроградский университет, чтобы завершить свое высшее образование, правда, специализация у него теперь была не юридическая, а этнолого-лингвистическая.

Бахтин, однако, на этот раз не торопился за друзьями, и прожил в Витебске, где местный культурный ренессанс уже заканчивался (границей принято считать отъезд Малевича в 1922 г.), еще почти два года. Смог обходиться и без круга, и написал или дописал в это время большинство своих поздно опубликованных ранних работ: «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности», возможно, первые редакции статьи «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» и книги о Достоевском [2, с. 290–296]. Пауза в постоянном дружеском круговращении пошла на пользу творчеству: сокровенные работы обычно пишутся в одиночестве, особенно в семейном одиночестве.

Впрочем, друзья активно звали в Питер, как можно предположить по следующему воспоминанию Бахтина: «Мой друг, тоже ближайший, Павел Николаевич Медведев, – он почти сейчас же после этого (смерти А. Блока. – *И. П.*) вернулся тоже в Ленинград. Он раньше меня вернулся. Он и Пумпянский, в известной степени они подготовили наше возвращение сюда» [9, с. 171].

В чем могла заключаться эта «известная степень» подготовки? Вероятно, друзья надеялись устроить Бахтина в Институт истории искусств (широко известный как Зубовский, по имени его основателя), где до 1924 г. работали практически все питерские ученые-гуманитарии. Поскольку в автобиографических документах «М. Бахтин неизменно отмечал, что в 1924–1930 гг. он исполнял обязанности сотрудника» [28, с. 98] этого института, постольку можно предположить, что он успел там как-то оформиться до конца мая 1924 г., когда штат был резко сокращен (с более чем 300 до 30 с небольшим единиц) [28, с. 99]. Соллертинскому, например, удалось закрепиться после сокращения штатов в должности дворника института [29, с. 550]. Бахтин, конечно, остался за штатом, как и многие другие, т.е. им позволялось продолжать работать на безвозмездной основе.

Чем еще друзья подготовили переезд Бахтина? Прощупали почву для его публикаций, возможно, заранее организовали заказ Бахтину статьи журналом «Русский современник» [2, с. 313]. Бахтин, вероятно, еще в Витебске написал или начал писать текст большой методологической статьи, но приехал не сразу. Видимо, были колебания. В Витебске Бахтины прижились, он имел ста-

бильную преподавательскую работу и время для интеллектуального труда, у нее здесь были родители. Оставался бы Михаил Михайлович в этом городе всю жизнь и писал бы свои гениальные труды, о которых, скорее всего, никто бы так и не узнал, если исключить счастливую случайность. В общем, альтернатива сказочная в нескольких смыслах этого слова. Однако колебался в связи с переездом из Витебска Бахтин недолго: к середине 1924 г. он уже был в Ленинграде.

Список литературы

1. *Алпатов В.М.* Грустная судьба. В.Н. Волошинов // *Алпатов В.М.* Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 175–193.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 7 т.]. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. 800 с.
3. Бахтин под маской. Маска первая: В.Н. Волошинов. Фрейдизм. М.: Лабиринт, 1993. 120 с.
4. Бахтин под маской. Маска вторая: П.Н. Медведев. Формальный метод в литературоведении. М.: Лабиринт, 1993. 207 с.
5. Бахтин под маской. Маска третья: В.Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 191 с.
6. Бахтин под маской. Маска четвертая: М.М. Бахтин. Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994. 174 с.
7. Бахтин под маской. Маска пятая (первая полумаска): В.Н. Волошинов, П.Н. Медведев, И.И. Канаев. Статьи. М.: Лабиринт, 1996. 176 с.
8. Бахтин под маской. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
9. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
10. *Бочаров С.Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.
11. *Васильев Н.Л.* История вопроса об авторстве «спорных текстов», приписываемых М.М. Бахтину // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова. Уфа: Вагант, 2011. С. 68–105.
12. *Васильев Н.Л.* В.Н. Волошинов: Биографический очерк // Валентин Волошинов. Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-пресс LTD, 1995. С. 5–22.

13. Волошинов В.Н. Новейшие течения лингвистической мысли на Западе // Литература и марксизм, 1928. Кн. 5. С. 115–149.
14. Волошинов В.Н. <Рец. на книгу:> В.В. Виноградов. О художественной прозе // Звезда. 1930. № 2. С. 233–234.
15. Волошинов В.Н. Конструкция высказывания // Литературная учеба. 1930. № 3. С. 65–87.
16. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л.: Прибой, 1929. 188 с.
17. Волошинов В.Н. О границах поэтики и лингвистики // В борьбе за марксизм в литературной науке. Л.: Прибой, 1930. С. 203–240.
18. Волошинов В.Н. По ту сторону социального. О фрейдиизме // Звезда. 1925. № 5. С. 186–214.
19. Волошинов В.Н. Слово и его социальная функция // Литературная учеба. 1930. № 5. С. 43–59.
20. Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Звезда. 1926. № 6. С. 244–267.
21. Волошинов В.Н. Фрейдиизм. Критический очерк. Л.: ГИЗ, 1927. 164 с.
22. Волошинов В.Н. Что такое язык? // Литературная учеба. 1930. № 2. С. 48–66;
23. Иванов Вяч. Вс. Об авторстве книг Волошинова и Медведева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 4. С. 133–137.
24. Каган Ю.М. О старых бумагах из семейного архива (М.М. Бахтин и М.И. Каган) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 60–88.
25. Канаев И.И. Современный витализм // Человек и природа. 1926. № 1. С. 33–42; № 2. С. 10–22.
26. Ключева И.В. Борис Владимирович Залесский (1887–1966): неизвестные страницы биографии ученого // Научный диалог. 2021. № 2. С. 308–325.
27. Ключева И.В. «Последняя любовь Керенского...»: о ком Бахтин говорил Дувакину? // Центр и периферия. 1921. № 3. С. 96–109.
28. Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин. Страницы жизни и творчества. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1993. 400 с.
29. Кумпан К.А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х гг. // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 540–637.
30. Лантун В.И. К «Биографии М.М. Бахтина» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1. С. 67–73.
31. Лущик С.З. Книгоиздательство «Омфалос» // Книга. Исследования и материалы: сб. ст. Вып. 66. 1993. С. 158–174.

32. Лекции и выступления М.М. Бахтина в записях Л.В. Пумпянского // М.М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 221–252.
33. *Медведев П.Н.* Очередные задачи историко-литературной науки // Литература и марксизм. № 3. 1928. С. 65–87.
34. *Медведев П.Н.* Социологизм без социологии // Звезда. 1926. № 2. С. 267–271.
35. *Медведев П.Н.* Ученый сальеризм // Звезда. 1925. № 3. С. 264–276.
36. *Медведев П.Н.* Формальный метод в литературоведении (Критическое введение в социологическую поэтику). Л.: Прибой, 1928. 232 с.
37. *Медведев П.Н.* Собрание сочинений: в 2 т. СПб.: Росток, 2018. Т. 1: История литературы. 848 с.; Т. 2: Поэтика и психология творчества. 928 с.
38. *Медведев Ю.П.* Павел Николаевич Медведев. У истоков социологической поэтики // *Медведев П.Н.* Собрание сочинений: в 2 т. СПб.: Росток, 2018. Т. 1: История литературы. С. 3–80.
39. *Миркина Р.М.* Бахтин, каким я его знала: (Молодой Бахтин) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1. С. 92–96.
40. Несостоявшаяся лекция // Молот. Газета Невельского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. 1918. № 12, 2 августа. С. 3
41. *Николаев Н.И.* Невельская школа философии (М. Бахтин, М. Каган, Л. Пумпянский в 1918–1925 гг.): по материалам архива Л. Пумпянского // М.М. Бахтин и философская культура XX века: Проблемы бахтинологии. СПб.: Образование, 1991. Вып. 1. Ч. 2. С. 31–43.
42. *Николаев Н.И.* Энциклопедия гипотез (вступительная статья) // Л.В. Пумпянский. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. с. 7–29.
43. *Осовский О.Е., Киржаева В.П.* «...мне, так сказать, приписывают...»: «спорные тексты» в бахтиноведении конца 1980–1990-х // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 156–168.
44. *Осовский О.Е., Киржаева В.П.* Михаил Михайлович Бахтин: опыт реконструкции биографии ученого. Статья первая // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2020. № 4(69). С. 89–101.
45. *Осовский О.Е.* Тексты спорные // М.М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. 2–3. Саранск, 2006. С. 149–150.
46. *Паньков Н.А.* Загадки раннего периода // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1. С. 74–89.
47. *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М., 2010. 719 с.
48. *Пешков И.В.* Бахтинский вопрос. Статья третья: Волошинов // Литературоведческий журнал. 2022. № 3(57). С. 86–109.

49. *Пешков И.В.* Новый органон // Бахтин. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. С. 542–579.
50. *Пешков И.В.* О проявлениях глубинной самоидентичности стиля (вариант текстологического анализа «спорных текстов» М. М. Бахтина) // Бахтин под маской. В.Н. Волошинов. Фрейдизм. М.: Лабиринт, 2004. С. 147–183.
51. *Пешков И.В.* Повторное в неповторимом, или Как просчитать индивидуальный стиль: статистический эпилог проблемы «Бахтин под маской» // Миргород. 2020. № 2(16). С. 34–61.
52. *Тамарченко Н.Д.* М. Бахтин и П. Медведев: судьба «Введения в поэтику» // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 160–184.
53. *Федякин С.Р.* Послесловие и комментарии // *Бахтин Н.М.* Философия как живой опыт. М.: Лабиринт, 2008. С. 225–238.
54. *Шатских А.С.* Витебск. Жизнь искусства. 1917–1922. М.: Языки славянской культуры, 2001. 258 с.
55. *Шатских А.С.* Событие встречи. Бахтин и Малевич // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 3. С. 16–33.
56. *Эджерстон В.* Ю.Г. Оксман, М.И. Лопатто, Н.М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос» (Переписка и встречи с М.И. Лопатто) // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 211–244.
57. *Epstein M.* Hyperauthorship in Mikhail Bakhtin: The Primary Author and Conceptual Personae // Russian Journal of Communication. 2008. Vol. 1. No. 3. С. 280–290.

References

1. Alpatov, V.M. “Grustnaya sud'ba. V.N. Voloshinov” [“A Sad Destiny. V.N. Voloshinov”]. Alpatov, V.M. *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki* [Linguists, Orientalists, Historians]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 175–193. (In Russ.)
2. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works] [In 7 vols]. Moscow, Russkie slovari Publ., vol. 2, 2000, 800 p. (In Russ.)
3. *Bakhtin pod maskoi. Maska pervaya: V.N. Voloshinov. Freidizm* [Bakhtin under a mask. The First Mask: V.N. Voloshinov. Freudianism]. Moscow, Labirint Publ., 1993, 120 p. (In Russ.)
4. *Bakhtin pod maskoi. Maska vtoraya: P.N. Medvedev. Formal'nyi metod v literaturovedenii* [Bakhtin under a mask. The Second Mask: P.N. Medvedev. The Formal Method in Literary Criticism]. Moscow, Labirint Publ., 1993, 207 p. (In Russ.)

5. *Bakhtin pod maskoi. Maska tret'ya: V.N. Voloshinov. Marksizm i filosofiya yazyka* [*Bakhtin under a mask. The Third Mask: V.N. Voloshinov. Marxism and the Philosophy of Language*]. Moscow, Labirint Publ., 1993, 191 p. (In Russ.)
6. *Bakhtin pod maskoi. Maska chetvertaya: M.M. Bakhtin. Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [*Bakhtin under a mask. The Fourth Mask: M.M. Bakhtin. Problems of Dostoevsky's Creation*]. Moscow, Alkonost Publ., 1994, 174 p. (In Russ.)
7. *Bakhtin pod maskoi. Maska pyataya (pervaya polumaska): V.N. Voloshinov, P.N. Medvedev, I.I. Kanaev. Stat'i* [*Bakhtin under a mask. The Fifth Mask: V.N. Voloshinov, P.N. Medvedev, I.I. Kanaev. Articles*]. Moscow, Labirint Publ., 1996, 176 p. (In Russ.)
8. *Bakhtin pod maskoi. Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'i* [*Freudianism. The Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles*]. Moscow, Labirint Publ., 2000, 640 p. (In Russ.)
9. *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [*Conversations Between V.D. Duvakin and M.M. Bakhtin*]. Moscow, Progress Publ., 1996, 342 p. (In Russ.)
10. Bocharov, S.G. "Ob odnom razgove i vkrug nego" ["About the Conversation and Near it"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2, 1993, pp. 70–89. (In Russ.)
11. Vasil'ev, N.L. "Istoriya voprosa ob avtorstve 'spornykh tekstov', pripisyvaemykh M.M. Bakhtinu" ["The History of Authorship problem of 'Disputed Texts' Attributing to Bakhtin"]. *Khronotop i okrestnosti: Yubilejniy sbornik v chest' Nikolaya Pan'kova* [*Chronotope and surroundings: Jubilee collection in honor of Nikolai Pankov*]. Ufa, Vagant Publ., 2011, pp. 68–105. (In Russ.)
12. Vasil'ev, N.L. "V.N. Voloshinov: Biograficheskii ocherk" ["V.N. Voloshinov: Biographical Sketch"]. Valentin Voloshinov. *Filosofiya i sotsiologiya gumanitarnykh nauk* [*Philosophy and Sociology of the Humanities*]. St Petersburg, Asta-press Publ., 1995, p. 5–22. (In Russ.)
13. Voloshinov, V.N. "Noveyshiye techeniya lingvisticheskoi mysli na Zapade" ["The Latest Trends in Linguistic Thought in the West"], *Literatura i marksizm*, book 5, 1928, pp. 115–149. (In Russ.)
14. Voloshinov, V.N. "<Rets. na knigu:> V.V. Vinogradov. O khudozhestvennoi proze" ["<Book Review:> V.V. Vinogradov. About Fiction"], *Zvezda*, no. 2, 1930, pp. 233–234. (In Russ.)
15. Voloshinov, V.N. "Konstruktsiya vyskazyvaniya" ["Construction of Utterance"], *Literaturnaya ucheba*, no. 3, 1930, pp. 65–87. (In Russ.)
16. Voloshinov, V.N. *Marksizm i filosofiya yazyka. Osnovnyye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [*Marxism and the Philosophy of Language*].

- Fundamental Problems of the Sociological Method in the Science of Language*. Leningrad, Priboy Publ., 1929, 188 p. (In Russ.)
17. Voloshinov, V.N. "O granitsakh poetiki i lingvistiki" ["On the Boundaries of Poetics and Linguistics"]. *V bor'be za marksizm v literaturnoi nauke* [In the Struggle for Marxism in Literary Science]. Leningrad, 1930, pp. 203–240. (In Russ.)
 18. Voloshinov, V.N. "Po tu storonu sotsial'nogo. O freidizme" ["Beyond the Social Principle". About Freudianism]. *Zvezda*, no. 5, 1925, pp. 186–214. (In Russ.)
 19. Voloshinov, V.N. "Slovo i ego sotsial'naya funktsiya" ["Discourse and Its Social Function"]. *Literaturnaya ucheba*, no. 5, 1930, pp. 43–59. (In Russ.)
 20. Voloshinov, V.N. "Slovo v zhizni i slovo v poezii" ["Discourse in Life and Discourse in Poetry"]. *Zvezda*, no. 6, 1926, pp. 244–267. (In Russ.)
 21. Voloshinov, V.N. "Freidizm. Kriticheskiy ocherk" ["Freudianism. A Critical Sketch"]. Leningrad, Giz Publ., 1927. 164 p. (In Russ.)
 22. Voloshinov, V.N. "Chto takoe yazyk?" ["What is Language?"]. *Literaturnaya ucheba*, no. 2, 1930, pp. 48–66. (In Russ.)
 23. Ivanov, Vyach. Vs. "Ob avtorstve knig Voloshinova i Medvedeva" ["About the authorship of Voloshinov's and Medvedev's books"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 4, 1995, pp. 133–137. (In Russ.)
 24. Kagan, Yu.M. "O starykh bumagakh iz semeynogo arkhiva (M.M. Bakhtin i M.I. Kagan)" ["Kagan Yu.M. On old papers from the family archive (M.M. Bakhtin and M.I. Kagan)"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 1, 1992, pp. 60–88. (In Russ.)
 25. Kanayev, I.I. "Sovremenniy vitalizm" ["Modern vitalism"]. *Chelovek i priroda*, no. 1, pp. 33–42; no. 2, pp. 10–22, 1926. (In Russ.)
 26. Klyueva, I.V. "Boris Vladimirovich Zaleskii (1887–1966): neizvestnye stranitsy biografii uchenogo" ["Boris Vladimirovich Zalesky (1887–1966): Unknown Pages of the Biography of the Scientist"]. *Nauchnyi dialog*, no. 2, 2021, pp. 308–325. (In Russ.)
 27. Klyuyeva, I.V. "'Poslednyaya lyubov' Kerenskogo...': o kom Bakhtin govoril Duvakinu?" ["'Kerensky's Last Love...': Whom did Bakhtin speak to Duvakin about?"]. *Tsentr i periferiya*, no. 3, 1921, pp. 96–109.
 28. Konkina, S.S., Konkina, L.S. *Mikhail Bakhtin. Stranicy zhizni i tvorchestva* [Mikhail Bakhtin. Pages of Life and Creativity]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1993, 400 p. (In Russ.)
 29. Kumpan, K.A. "Institut istorii iskusstv na rubezhe 1920-kh – 1930-kh gg." ["Institute of Art History at the turn of the 1920 s – 1930 s."]. *Instituty kul'tury Leningrada na perelome ot 1920-kh k 1930-m godam* [Institutes of Culture of Leningrad at the turning point from the 1920 s to the 1930 s]. St Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2011, pp. 540–637. (In Russ.)

30. Laptun, V.I. "K 'Biografii M.M. Bakhtina'" ["To 'Biography of M.M. Bakhtin'"]. *Dialogue. Carnival. Chronotop*, no. 1, 1993, pp. 67–73. (In Russ.)
31. Lushchik, S.Z. "Knigoizdatel'stvo 'Omfalos'" ["Omphalos Publishing House"]. *Kniga. Collection of articles*. Issue 66. Moscow, Kniga Publ., 1993, pp. 158–174. (In Russ.)
32. "Lektsii i vystupleniya M.M. Bakhtina v zapisyakh L.V. Pumpyanskogo" ["Lectures and speeches by M.M. Bakhtin in the notes of L.V. Pumpyansky"]. *M.M. Bakhtin kak filosof* ["M.M. Bakhtin as a Philosopher"]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 221–252. (In Russ.)
33. Medvedev, P.N. "Ocherednye zadachi istoriko-literaturnoi nauki" ["The Next Tasks of Historical Literary Scholarship"]. *Literatura i marksizm*, no. 3, 1928, pp. 65–87. (In Russ.)
34. Medvedev, P.N. "Sotsiologizm bez sotsiologii" ["Sociologism without sociology"]. *Zvezda*, no. 2, 1926, pp. 267–271. (In Russ.)
35. Medvedev, P.N. "Uchenyi sal'yerizm" ["Scientific Salierism"]. *Zvezda*, no. 3, 1925, pp. 264–276. (In Russ.)
36. Medvedev, P.N. *Formal'nyi metod v literaturovedenii (Kriticheskoe vvedeniye v sotsiologicheskuyu poetiku)* [Formal Method in Literary Criticism. A Critical Introduction to Sociological Poetics]. Leningrad, Priboy Publ., 1928, 232 p. (In Russ.)
37. Medvedev, P.N. *Sobranie sochinenii* [Collected works]: in 2 vols. St Petersburg, Rostok Publ., vol. 1, 848 p.; vol. 2, 2018, 928 p. (In Russ.)
38. Medvedev, Yu.P. "Pavel Nikolaevich Medvedev. U istokov sociologicheskoi poetiki" ["Pavel Nikolaevich Medvedev. At the origins of sociological poetics"]. Medvedev, P.N. *Sobranie sochinenii* [Collected works]: in 2 vols. St Petersburg, Rostok Publ., vol. 1, 2018, pp. 3–80. (In Russ.)
39. Mirkina, R.M. "Bakhtin, kakim ya ego znala: (Molodoy Bakhtin)" ["Bakhtin as I knew him: (Young Bakhtin)"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 1, 1993, pp. 92–96. (In Russ.)
40. "Nesostoyavshayasya lektsiya" ["Failed lecture"]. *Molot. Gazeta Nevel'skogo Soveta Rabochikh, Krest'yanskikh i Krasnoarmeyskikh deputatov*, no. 12, 1918, 3 p. (In Russ.)
41. Nikolayev, N.I. "Nevel'skaya shkola filosofii (M. Bakhtin, M. Kagan, L. Pumpyanskii v 1918–1925 gg.): po materialam arkhiva L. Pumpyanskogo" ["Nevel School of Philosophy (M. Bakhtin, M. Kagan, L. Pumpyansky in 1918–1925): based on materials from the archive of L. Pumpyansky"]. *M.M. Bakhtin i filosofskaya kul'tura XX veka: Problemy bakhtinologii* [M.M. Bakhtin and the Philosophical Culture of the 20th Century: Problems of Bakhtinology]. St Petersburg, Obrazovaniye Publ., issue 1, part 2, 1991, pp. 31–43. (In Russ.)

42. Nikolayev, N.I. "Entsiklopediya gipotez (vstupitel'naya stat'ya)" ["Encyclopedia of hypotheses (introductory article)"]. Pumpyanskii, L.V. *Klassicheskaya traditsiya. Sobraniye trudov po istorii russkoi literatury* [Classic tradition. Collection of works on the history of Russian literature]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 7–29. (In Russ.)
43. Osovskii, O.E., Kirzhaeva, V.P. "...mne, tak skazat', pripisyvayut...": 'spornye teksty' v bakhtinovedenii kontsa 1980-kh – 1990-kh" ["...they say, well, that I said that...": 'Controversial Texts' in Bakhtin Studies of the Late 1980 s – 1990 s"]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, no. 3, 2018, pp. 156–168. (In Russ.)
44. Osovskii, O.E., Kirzhaeva, V.P. "Mikhail Mikhaylovich Bakhtin: opyt rekonstruktsii biografii uchenogo. Stat'ya pervaya" ["Mikhail Mikhailovich Bakhtin: the experience of reconstructing the biography of a scholar. Article one"]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Yesenina*, no. 4(69), 2020, pp. 89–101. (In Russ.)
45. Osovskii, O.E. "Teksty spornye" ["Debuted Texts"]. *M.M. Bakhtin v Saranske: dokumenty, materialy, issledovaniya* [M.M. Bakhtin in Saransk: Documents, Materials, Research]. Issue 2–3. Saransk, 2006, pp. 149–150. (In Russ.)
46. Pan'kov, N.A. "Zagadki rannego perioda" ["Riddles of the early period"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 1, 1993, pp. 74–89. (In Russ.)
47. Pan'kov, N.A. *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bakhtina* [Questions of biography and scientific creativity of M.M. Bakhtin]. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 2009, 720 p. (In Russ.)
48. Peshkov, I.V. "Bahtinskii vopros. Stat'ja tret'ja: Valentin Nikolaevich Voloshinov" ["Bakhtin question. The Third Article: Valentin Nikolaevich Voloshinov"]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 3(57), 2022, pp. 86–109. (In Russ.)
49. Peshkov, I.V. "Novyi organon" ["The New Organon"]. *Bakhtin. Tetralogiya* [Bakhtin. Tetralogy]. Moscow, Labirint Publ., 1998, pp. 542–579. (In Russ.)
50. Peshkov, I.V. "O proyavleniyakh glubinnoi samoidentichnosti stilya (variant tekstologicheskogo analiza 'spornykh tekstov' M.M. Bakhtina)" ["On the Manifestations of a Deep Self-identity of Style (a Variant of the Textological Analysis of 'Debuted Texts' by M.M. Bakhtin)"]. *Bakhtin pod maskoi. V.N. Voloshinov. Freidizm* [Bakhtin under a mask. V.N. Voloshinov. Freudianism]. Moscow, Labirint Publ., 2004, pp. 147–183. (In Russ.)
51. Peshkov, I.V. "Povtornoe v nepovtorimom, ili kak proschitat' individual'nyi stil': statisticheskii ephilog problemy 'Bakhtin pod maskoi'" ["Repetition in a Unique, or How to Calculate an Individual Style: the Statistical Epilogue of the Problem 'Bakhtin Under a Mask'"]. *Mirgorod*, no. 2(16), 2020, pp. 34–61. (In Russ.)

52. Tamarchenko, N.D. "M. Bakhtin i P. Medvedev: sud'ba 'Vvedeniya v poehtiku'" ["M. Bakhtin and P. Medvedev: the Fate of 'Introduction to Poetics'"]. *Voprosy literatury*, no. 5, 2008, pp. 160–184. (In Russ.)
53. Fedyaikin, S.R. "Posleslovie i kommentarii" ["Afterword and Comments"]. Bakhtin, N.M. *Filosofiya kak zhivoi opyt* [*Philosophy as a Living Experience*]. Moscow, Labirint Publ., 2008, pp. 225–238. (In Russ.)
54. Shatskih, A.S. *Vitebsk. Zhizn' iskusstva. 1917–1922* [*Vitebsk. Art Life. 1917–1922*]. Moscow, Jazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001, 258 p. (In Russ.)
55. Shatskih, A.S. "Sobytie vstrechi. Bahtin i Malevich" ["Meeting Event. Bakhtin and Malevich"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 3, 1995, pp. 16–33. (In Russ.)
56. Jedzherton, V. "Yu.G. Oksman, M.I. Lopatto, N.M. Bahtin i vopros o knigoizdatel'stve 'Omfalos' (Perepiska i vstrechi s M.I. Lopatto)" ["Yu.G. Oksman, M.I. Lopatto, N.M. Bakhtin and the Issue of Omphalos Publishing House (Correspondence and Meetings with M.I. Lopatto)"]. *Pyatye tynyanovskie chteniya. Tezisy dokladov i materialy dlja obsuzhdeniya* [*Fifth Tynyanov Readings. Abstracts of reports and materials for discussion*]. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 211–244. (In Russ.)
57. Epstein, M. "Hyperauthorship in Mikhail Bakhtin: The Primary Author and Conceptual Personae". *Russian Journal of Communication*, vol. 1, no. 3, 2008, pp. 280–290. (In English)